

УДК 32.001 + 001.98

Елацков А.Б.

Геополитика: наука и мифология

Geopolitics: Science & Mythology

Научная геополитика, геополитическая мифология и псевдонаука рассматриваются как части большой сферы геополитической мысли. Обсуждается проблема их разграничения. Как важная отрасль научной геополитики рассматривается критическая геополитика, препятствующая экспансии мифологии и псевдонауки.

Ключевые слова: *геополитика, геополитический миф, геополитическая псевдонаука, критическая геополитика*

The demarcation problem in the geopolitics is discussed. Geopolitical science, geopolitical mythology and geopolitical pseudoscience are considered as parts of the geopolitical thought. The critical geopolitics is presented as an important branch of scientific geopolitics, which prevents the expansion of geopolitical myths and pseudoscience.

Key words: *geopolitics, geopolitical myth, geopolitical pseudoscience, critical geopolitics*

1. *Проблемное поле.* Вплоть до конца 1980-х годов геополитика в нашей стране объявлялась «буржуазной лженаукой». Через отрицание прошли и такие важные для геополитики научные направления, как политическая география и синергетика. После разрушения идеологических барьеров, отвергавшиеся ранее исследовательские направления быстро заняли важное место в научном и массовом сознании. Находившаяся под официальным запретом геополитика оказалась не причастна к появившимся проблемам страны, одновременно она воспринималась как «идейное оружие империализма» (именно так позиционировала её советская пропаганда), то есть стороны, победившей в холодной войне, а значит эффективное. Это подтолкнуло к массовому некритическому заимствованию западных геополитических подходов. Причём во многих выпущенных учебниках с первых же страниц заявлялось, что геополитика – это теоретическое знание, наука или научное направление. Но не выдавалось ли желаемое за действительное?

Между тем, наметившаяся тенденция относить любые размышления на геополитическую тему к «науке» представляет определённую опасность. Тем не менее, критические взгляды на геополитику сохраняются, причём не только в нашей стране, но и за рубежом. Так, видный представитель современного западного общества Д. Сорос зачисляет геополитику в разряд псевдонаук (spurious science), наряду с идеологией «экономического невмешательства» [11]. Так насколько же далека от истины была советская пропаганда? Можно ли отличить науку от лженауки на основе каких-либо критериев? Отметим сразу, что на проблемном поле геополитики есть и другие ненаучные игроки, не претендующие, однако, на монопольное владение истиной или выделяемые по иным основаниям (публицистика, обыденное сознание, стратегия как искусство и т.п.).

Определить научный статус геополитики в целом не так просто ввиду её разноплановости и множественности подходов. В общем случае нельзя однозначно утверждать, чем является геополитика: настоящей наукой, мифологией, лженаукой или идеологией. Такова её историческая специфика. Астрономия дистанцируется от астрологии, психология от парапсихологии, химия от алхимии. У геополитики такой противоположности нет – она включает её в себя. Потому лишены смысла периодически возникающие на страницах печати и интернет-форумах споры по данному поводу. Действительно, одна часть геополитики сродни строгой науке, другая – алхимии и эзотерике. Важно эти подходы ясно различать, и осознавать их функции. Как отмечает А.Д. Богатуров, «вульгарных геополитиков-публицистов (к которым он относит «школь» А.Г. Дугина и З. Бжезинского – А.Е.) необходимо отличать от respectable течения геополитиков академического направления (Николай Мироненко, Владимир Колосов ... отчасти даже Михаил Ильин), к которым примыкает талантливый писатель геополитической темы Вадим Цымбурский» [2]. Ниже рассмотрим, какими характеристиками обладают эти противоположности, по каким признакам их можно отличать друг от друга.

2. Мифология. «Геополитическая мифология» – часто используемый термин при описании геополитических идей. И не только в отрицательном смысле. Конечно, такая мифология свойственна многим народам, которых она сплачивает и задаёт систему координат в бурном море внешнеполитических явлений, играя роль идеологии. Это проявление особого политического субъективизма. Но, конечно, к научной геополитике она имеет отношение лишь постольку, поскольку последнюю интересует анализ геополитических картин мира у разных сообществ. В этом смысле геополитические мифы являются реальным фактором геополитики. Так, если предположить, что идея о вечной дихотомии теллурократий и талассократий является лишь ошибочной гипотезой, то включение её во внешнеполитическую идеологию обеих сторон приводит к тому, что такая дихотомия действительно появляется. Только основана она на мифе. Здесь можно видеть, что конструирование мифов способно менять объективную геополитическую реальность, при этом сам миф переходит в новую форму – объективных геополитических отношений идеологического типа. Бум некритичного заимствования в 1990-е годы западных идей привёл к «импорту» старых и складыванию новых геополитических мифов. Особенно это касается классических западных концепций, принамавшихся некоторыми авторами чуть ли не как аксиомы.

Что же такое миф и, в частности, геополитический? Чаще всего выделяют традиционные (в искусстве, культуре) и социальные (в идеологии) мифы. В данном контексте нас интересуют вторые. Вообще, любой миф предстаёт устойчивой системой стереотипов, основанных преимущественно на вере и не подверженных осознанной рефлексии при обыч-

Рис. 1. Соотношение научной геополитики с иными формами геополитической мысли

ном течении жизни [8, с. 53]. Так как политический миф «становится достоянием коллективного сознания, он формирует определённое мироощущение, психологические и идеологические установки, обладающие стойкостью предрассудка. Миф устанавливает вымышленные причинные связи между реальными объектами, порождает ложные объекты, ... легенды о славном прошлом, ... вносит вымышленные отношения в подлинную ткань политических отношений» [5, с. 184].

Миф – сложное, неоднозначное понятие, в древности связанное с персонификацией явлений. Традиционно, мифология – система сакрального «знания», основанная на преданиях (без доказательств, опытных обоснований и свидетельств), часто характеризуется метафоричностью, верой в действие непознанных сил. Применительно к современности, «миф» трактуется очень широко и выступает как один из инструментов манипуляции массовым сознанием (например, выдуманная история нации как объединяющий её миф, мифологема «свой – чужие»). Мифотворчество действует как особый вид пропаганды, где продвигаемые идеи не высказываются явно и логически не доказываются. Зато воспринятая скрытая идея становится органичной некоторому сообществу и, действуя изнутри, оказывает ещё большее влияние. С укоренившимися мифами

ввиду их иррациональности бороться довольно сложно. Миф становится некоей парадигмой, задающей в сознании априорную модель окружающего мира и его фрагментов. Геополитический миф структурирует в сознании политическое геопространство, оказывает влияние на формирование геополитических суждений и формирование национальной мифологии, геополитической картины мира. В отличие от идеологии, миф не догматизируется и может меняться, адаптируясь к обстоятельствам, но сохраняя, при этом, свою структуру. Поэтому он оказывается довольно живуч.

Французский структуралист Р. Барт [1] отметил двойное назначение современных мифов: во-первых, они деформируют представления о действительности в соответствии с желаниями и интересами субъекта; во-вторых, мифы вынуждены скрывать свою идеологическую сущность. Поскольку любая идеология стремится к положению, когда её воспринимают как единственно возможную и существующую независимо от субъекта, то и современный миф пытается выглядеть не культурным, а природным явлением. В крайнем выражении происходит натурализация, возведение исторических преходящих явлений в ранг вечных, естественных (как в эту схему чётко укладываются геополитические мифы: агрессия оправдывается «объективными» географическими, то есть опять-таки природными факторами). Форма остаётся, а смысл «испаряется», подменяется другим. Для логики мифа характерна констатация «фактов» вместо объяснения. Р.Барт полагал, что единственным способом освободиться от власти мифа является его анализ и объяснение, что способно разрушить мифологизированные знаки и символы.

Особенность действия мифа в том, что он не скрывает и не афиширует концепт, не лжёт, а только деформирует, искажает его в глазах своего потребителя. В крайнем случае миф подвергался бы активному разрушению. Среди риторических фигур мифотворчества Р. Барт приводит такие, как: прививка (признать неважные проблемы, чтобы скрыть важные), лишение историчности, тавтология, цинизм («уравновешивание» противоположностей, чтобы отбросить обе), квантификация качества (качественные характеристики упрощаются и легче внедряются в сознание в количественном эквиваленте), констатация факта (как маска очевидности взамен объяснения).

Мифологический образ мышления в значительной степени присущ обыденному геополитическому мышлению. Дело в том, что мифологическим символам свойственна большая эмоциональная насыщенность и образность. Но без мифов не обходятся и другие уровни геополитического мышления – практический и концептуальный.

3. *Наука vs. лженаука.* Обращаясь к научной геополитике, приходится признать, что понятия научности и истинности не совпадают. Первое, безусловно, шире по содержанию и может включать ложные суждения. Спекулируя этим фактом, на проблемном поле появляется новый союзник мифа – лженаука, разоблачить претензии которой не так просто. Однако подлинно научное знание должно одновременно соответствовать определённым критериям [4]. Так, чтобы считаться истинным, оно должно отвечать принципу достаточного основания, то есть всякая истинная мысль должна обосновываться другими мыслями, истинность которых доказана. Кроме того, оно должно быть интересубъективным, то есть «безличным», воспроизводимым и инвариантным для всякого исследователя. Наконец, научное знание должно быть системно организованным, иметь строгую индуктивно-дедуктивную структуру. Многие геополитические взгляды не удовлетворяют, а иногда и не могут в принципе удовлетворять этим критериям. Геополитическая мифология и лженаука не задумываются о достаточном основании, геополитические

стратегии ангажированы и не «безличны», геополитические лозунги и публицистика не системны. Также многие из предложенных «законов» геополитики являются по своей сути гипотезами, о доказательстве которых их авторы даже не задумываются. Часто эти «законы» можно трактовать как факторы, конкретно-исторические зависимости или закономерности. Однако если авторы стремятся необоснованно придать им универсальное значение, применимое всегда и везде, то начинают формулировать некие лженаучные мифологемы.

Псевдонаучность произвольных геополитических построений выражается в игнорировании «неудобных» фактов, нефальсифицируемости (по К. Попперу, т. е. принципиальная невозможность проверки), не-верифицируемости (вместо неё – апелляция к «интуиции», «традиции», эзотерике и т.п.), использовании недостоверных данных, наукообразности языка, догматизме. Предполагаемые эмпирические корреляции не обосновываются адекватным историческим материалом и приемлемой логической моделью объяснения. Важным признаком можно считать также стремление отгородиться от научного «мейнстрима» в целях защиты от критики [9, р. 361], статья «элитарным» направлением. (Ср.: «Только по мере приближения человека к социальной верхушке геополитика начинает обнаруживать для него своё значение, свой смысл и свою пользу» [3, с. 13]).

Причины псевдонаучной деятельности и мифотворчества могут быть различны: заблуждение, дилетантизм, коммерческая выгода и т.п. Однако особым случаем является целенаправленная фальсификация данных о геополитических отношениях (ГПО). Чаще всего это имеет место в пропагандистских целях. Вообще, «избыточная политическая пропаганда обычно и служит порождению и распространению политических мифов» [5, с. 183]. Сами такие мифы, конечно же, ненаучны, но вот их использование в общественной жизни вполне может быть научно обосновано (психологические приёмы и т.п.). Целевая фальсификация может выполняться как для камуфляжа конфликтогенных ГПО (для предотвращения осознания противоречий), так и для разжигания противоречий и стимулирования образования новых, актуализации конфликтогенных ГПО (сначала идеальных, а потом и материальных). Особо активной в этом ключе представляется публицистика, не обременённая объективными научными методами. При этом на первый план выдвигаются аргументы против тех или иных ГПО («отрицательные» мифологемы), а вот подлинные целевые ГПО зачастую остаются глубоко замаскированными. Ещё один мотив фальсификации – «подгонка» данных под априорную геополитическую концепцию. Таким был, например, спекулятивный географический детерминизм фашистской геополитики. Фальсификация и мифологизация ГПО может проводиться и для «внешнего потребителя» в условиях межсубъектной конкуренции.

Геополитический миф или псевдонаучное построение оказывается живучим, если находится масса не критически воспринимающих его последователей, для которых он является геополитически выгодным, либо основанным на «авторитетном мнении». Так произошло, например, с некоторыми взглядами Х. Маккиндера. В целом, его концепция имеет адекватное геополитическое обоснование с точки зрения британской гегемонии конца XIX в. Однако он не избежал и мифотворчества, провозглашая знаменитую «триаду» мирового доминирования. Однако именно она была «на ура» воспринята некоторыми отечественными авторами уже в наше время. Этот случай, тем не менее, показывает, что нельзя полностью отождествлять некоторого автора с наукой или псевдонаукой. Важно оценивать конкретные его идеи и концепции. То, что Ньютон интересовался алхимией, не умаляет его достижений в физике.

Важная роль в распространении геополитических мифов и псевдонаучных построений принадлежит средствам массовой коммуникации. «Сопоставление характеристик мифа и массовой коммуникации обнаруживает их подобие, изоморфизм, способность к взаимоусилению» [5, с. 183]. Значительное влияние в этом смысле оказывают разного рода псевдо-документальные публикации и фильмы [9, p. 360].

Надо понимать, что многие ошибки, приводящие к «мифотворчеству», происходят вследствие чрезмерного редуционизма, когда некоторые факторы, возможно действительно оказывающие небольшое влияние, обозначаются как ведущие (например, абсолютизация географического детерминизма). Между мифологией и редуционизмом, таким образом, есть принципиальное различие. Такой редуционизм есть реликт зарождавшихся наук времён средневековья, тогда как псевдонаука и мифология по сути своей ненаучны.

4. *Проблема разграничения.* Можно, казалось бы, утверждать, что геополитические мифология и лженаука представляют собой описание несуществующих, вымышленных или недоказуемых ГПО (но не гипотетических, так как научная гипотеза предполагает потенциальную возможность проверки или опровержения) при игнорировании «неудобных». Однако проблема разграничения с наукой сложнее. Академик Г.И. Абелев отмечал, что «при ретроспективном взгляде на любую нашу область можно видеть, я думаю, не менее 80-90% работ, гипотез и обобщений, в конце концов, не вошедших в сложившуюся систему научных представлений, т.е. формально – ошибочных. Целые области в нашей науке оказались основанными на заблуждениях – например, идеи о ядре у бактерий, разрабатывавшиеся много лет... Но никому и в голову не приходит отнести эти исследования и идеи к псевдонауке» [цит. по: 6]. В вышеупомянутой статье Д. Сорос также относит «геополитический реализм» к псевдонауке по причине её редуционизма уровня XIX века, ограниченности и неспособности (а, вернее, нежелания) осознать современные реалии, когда государство перестаёт быть единственным и «неделимым» международным игроком, а общие интересы человечества должны превалировать над узко-государственными. Однако ясно, что такая критика, справедливая для некоторых направлений геополитики, не может относиться к геополитике в целом.

Так есть ли критерий, по которому можно отличить научное геополитическое познание (со всеми его ложными гипотезами и ошибками) от псевдонауки? По нашему мнению, да. Только лежит он не в формальной, а в этической плоскости. «Псевдонаука начинается не там, где вынашивают нелепые идеи, громоздят фантазии, заблуждаются. Лжеучёный тот, кто вступает на нечестный путь искажения фактов, подтасовок, кто становится участником или соучастником обмана. Не ошибка ведёт исследователя в зыбкие владения лженауки, а нежелание признать ошибку, вслушаться в инакомыслящую речь, поставить добытый результат на испытание» [7, с. 195]. И на основании таких фальсификаций часто получают щедрое финансирование геополитических «проектов» и «Центров исследований», привлекают сторонников, создают политические партии и т. п. «Народный академик» Т. Лысенко в 1939 г., в ответ на вопрос, почему другим учёным не удаётся повторить научные результаты его школы, ответил: «Для того, чтобы получить определённый результат, нужно хотеть получить именно этот результат, если вы хотите получить определённый результат, вы его получите» [цит. по: 7, с. 208-209]. В этом смысле, лысенковщина в геополитике вполне процветает. Именно на этом аспекте делали акцент большинство советских словарей, определяя геополитику как лженауку, *оправдывающую агрессию*.

Остаётся важный вопрос: что общество способно противопоставить

экспансии псевдонауки, в том числе псевдонаучной части геополитики? С нашей точки зрения, можно согласиться с мнением, что эффективным средством противодействия псевдонауке был бы *критический* разбор её учений в научно-образовательном процессе вместо обычного игнорирования [9, р. 357-358]. Вместе с тем, внутри научной геополитики сложилось новое направление, призванное, в том числе, разоблачать геополитические мифы и лженаучные фальсификации. Это – «критическая геополитика», одним из основателей которой в 1980-х годах выступил американец Дж. О’Туатэйл, первоначально критикуя мифы холодной войны. С его точки зрения, современная геополитическая ситуация не вписывается в бинарные категории «либо–либо», характерные для традиционной геополитики. Такие противопоставления, как: свой/чужой, внутри/снаружи, собственный/иностраный, близкий/далёкий и порождённые ими мифические дихотомии, вроде сухопутная_мощь/морская_мощь, хартленд/римленд и Восток/Запад слишком упрощённые [10, р. 108]. Можно также утверждать, что в СССР сложился свой, хотя идеологизированный и односторонний, но аналог критической геополитики. В сфере «критической геополитики» поработали многие видные советские учёные. В современной же России это направление, к сожалению, отодвинуто «в дальний угол» геополитического знания.

Литература

1. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994. С.72-130
2. Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. Том 2. № 1. Январь – апрель 2004. с. 16-33
3. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. 608 с.
4. Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки: Гносеологический анализ. М.: Высшая школа, 1985. 230 с.
5. Политология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.И.Аверьянова. М.: Изд-во МКУ, 1993. 431 с.
6. Пружинин Б.И. Псевдонаука сегодня // Вестник РАН. 2005. т.75. № 2. С. 117-125
7. Сухотин А.К. Превратности научных идей. М.: Молодая гвардия, 1991. 271 с.
8. Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общественные науки и современность, 2000. № 1.
9. Martin M. "Pseudoscience, the Paranormal, and Science Education" // Science and Education. v.3. n.4. P. 357-371, Oct. 1994.
10. O'Tuathail G. "Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society" // Geopolitics, Geography and Strategy / Ed. by C. Gray, G. Sloan. London; Portland: Frank Class Publishers, 1999. P. 107-124
11. Soros G. "The Capitalist Threat", The Atlantic Monthly; February 1997. Vol.279. No.2. P.45-58